
РЕЦЕНЗИИ

**Нефедова Т. Г., Пэллот Д. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова?
М.: Новое издательство, 2006. 320 с.
ISBN 5-98379-060-9.**

«Мы познакомились с Анной Петровной в нечерноземной глубинке, у ее дома, где она выгуливала козу. Коза невозмутимо объедала бурьян, а Анна Петровна рассказывала нам, что без Машки ее жизнь была бы намного скучнее» [С. 10]. Так незамысловато, словно начало романа, открывается первая глава книги двух замечательных географов России и Англии Татьяны Нефедовой и Джудит Пэллот.

Первые небольшие зарисовки из жизни селян указывают на две значимые особенности исследования авторов. Во-первых, фокус исследования сосредоточен на изучении характеристик индивидуальных хозяйств (не без опоры на общую статистику и выявления роли колхозов). Во-вторых, несмотря на описание городского населения, занятого в сельском хозяйстве, основное внимание в книге все же уделяется именно сельским жителям.

Как так возможно, что при 73 % населения, живущего в городах, по показателю реальной структуры занятости Россия – страна аграрная? Суммарные трудозатраты агропроизводства с учетом хозяйств населения, то есть занятость в сельском хозяйстве России, до сих пор выше, чем в промышленности [С. 35]. Откуда такое стремление сельского и городского населения к сельскохозяйственной деятельности – вот вопросы, которыми задаются исследователи. Авторы предпринимают попытку объяснить невозможность искоренения сельского хозяйства, которое, по их мнению, является бессмертным несмотря ни на что: даже «оторвать сельских жителей от их огорода путем предоставления им городского жилья не удалось» [С. 23].

Следуя своему «географическому» призванию, Т. Нефедова и Д. Пэллот стремятся, прежде всего, к выявлению специфики самих сельских

территорий с их природой, историческими и культурными традициями. Однако исследование носит и явно междисциплинарный характер, учитываются не только географические, но и социальные, исторические, экономические и правовые особенности самых разных местностей: от Поволжья и Благодатного Юга и до севера Нечерноземья и его глубинки.

«Говорить о бедности и богатстве, довольстве и недовольстве населения, о его сельскохозяйственной активности в целом по стране бессмысленно» [С. 95], – пожалуй, таков девиз авторов, без устали путешествующих по самым разным уголкам нашей страны.

Во многом работа Т. Нефедовой и Ж. Пэллот посвящена вопросам самоорганизации населения. Обращение к индивидуальному сельскому хозяйству не случайно и не является лишь результатом исследовательской заинтересованности авторов. Дело в том, что в 90-х годах наблюдался кризис общественного агросектора, что привело к значительному увеличению хозяйств населения и даже, по словам авторов, «выход из кризиса агропредприятий не приводит к вытеснению индивидуального производства. Значит, оно имеет внутренние резервы» [С. 32]. Индивидуальное сельское хозяйство – самый мощный сектор мелкотоварной экономики, отсюда и интерес к тому, как оно организовано, почему организация фермерского и коллективного хозяйства очень часто не привлекает селян и не позволяет «продвигаться вперед».

Самоорганизация индивидуального хозяйства значительно отличается в зависимости от характеристики местности и специализации. В книге рассматриваются самые разные уголки нашей страны: Каргополье, северное Предуралье, Валдай, Ставрополье. Авторы отмечают различия в природных, социальных, экономических и культурных условиях. Вместе с тем находят область пересечения – того общего, что объединяет хозяйства населения и это общее, по словам исследователей, «связано не только с их историей и ролью в современной экономике, но и с использованием определенных ресурсов» [С. 99]: социально-демографических, земельных, ресурсов предприятий, несельскохозяйственных природных ресурсов.

Самое яркое проявление самоорганизации индивидуальных хозяйств – ареалы высокотоварного хозяйства. Это районы «особого рода», расположенные в разных уголках страны. Их особенность заключается, прежде всего, в высоком уровне индивидуального хозяйства целых поселений, где существует высокотоварное производство в течение длительного времени, вне зависимости от экономических и политических изменений. В качестве примера авторы описывают Луховицкую «огуречную страну» и Кинель-черкасский район, знаменитый своими помидорами. Здесь самоорганизация проявляется на самом высоком

уровне, все продумано до мелочей: от расположения и устройства теплиц до разработанной системы сбыта.

Но у отдельных районов высокого товарного производства есть свой антипод – депрессивные районы. Ярким примером может служить «запущенное» сельское хозяйство Валдайского района. Здесь, как и в других подобных районах, деревне помогают выживать дачники, а также приезжие, которые наряду с дачниками «выполняют функцию «локомотивов», вытаскивающих район из экономической депрессии» [С. 78]. Пришлое население спасает и территории «черных дыр» – ареалов с самыми низкими показателями продуктивности предприятий. Более подробно феномен «черных дыр» географ Нефедова рассматривает в своей предыдущей работе – «Сельская Россия на перепутье: географические очерки» [Нефедова, 2003].

Совершенно разноликие «сельские подворья» порой не предоставляют возможности сравнения, однако все они формируют одно также многоликое и обширное понятие – «хозяйства населения». В эту категорию авторы относят и тех, кто ведет хозяйство по традиции, и тех, кто работает на рынок, и городских дачников и тех, кто пытается выжить в суровых условиях. Однако не для всякого хозяйства свойственна самоорганизация: «самоорганизация возможна только тогда, когда на селе остается трудоспособное население. В местах с сильными потерями сельского населения, а также в «больных» местностях самоорганизации не происходит» [С. 265]. В этом случае необходимо вмешательство государства, соответствующая социальная и экономическая политика. Однако во многом отношения между индивидуальными хозяйствами и государственным сектором формируют парадоксальный характер сельского хозяйства, также как парадоксальным оказывается и само положение сельского хозяйства. С одной стороны, все больше селян стремятся переселиться в города, чтобы найти хорошую работу и благоприятные условия быта, с другой стороны, с сельским хозяйством связана в большей или меньшей степени подавляющая часть населения (включая горожан, выращивающих овощи и фрукты на дачных участках).

Характер сельской безработицы также парадоксален: все сельские жители ведут свое личное хозяйство, порой товарное, которое дает им доход значительно выше по сравнению с работой на предприятиях. Связано это, прежде всего, с тем, что неэффективность коллективных сельхозпредприятий в 90-е годы привела к «миграции» сельчан из предприятий на подворья: «Продать свою продукцию надежнее, чем ждать нищенской зарплаты в колхозе» [С. 105]. Кроме того, в районах, где еще остались колхозы, крестьяне работают несмотря ни на что: невыплаты зарплат, невыносимые условия труда порой не «пугают» крестьян. Данное обстоятельство исследователи связывают с характером совре-

менных колхозов: взаимодействие с государством неэффективно, колхоз становится подсобным хозяйством для самого индивидуального хозяйства.

Не типичное, но парадоксальное явление можно встретить в некоторых городах России: «в отличие от деревушки, отрезанной от мира тайгой, переход города на самоснабжение продовольствием — это нонсенс. Но в современной России можно встретить и такое» [С. 222]. Например, город Кизел: за 90-е годы население города сократилось почти на 1/3. Большая часть предприятий закрыта.

Однако исследователи не сводят специфику районов к географической обусловленности (наличие природных ресурсов, степень периферийности и удаленности от центра), но указывают и на исторические корни, на экономическую и социокультурную политику районов.

В заключении Джудит Пэллот отмечает следующее: «Вот и возник парадокс: обширность пространства России, довольно высокая миграционная мобильность ее населения сочетаются с явной узостью пространства индивидуальной сельскохозяйственной деятельности».

Во многом восприятие характера сельского хозяйства как парадоксального связано именно с той «неизвестностью» в заглавии книги, привлекающем внимание читателей. За призывающим к познанию заголовком — «Неизвестное сельское хозяйство» — кроются такие факты, незнание которых и приводит к однозначному и стереотипному пониманию российского сельского хозяйства.

Можно выделить, как минимум, три значения «неизвестности» сельского хозяйства.

Во-первых, на протяжении всего повествования авторы указывают на неадекватные статистические данные, формирующие порой весьма искаженное представление о реальном положении дел: «...и все же официальная статистика не в состоянии учесть реальный вклад личного подсобного хозяйства в сельскую экономику» [С. 267]. Очень малая выборка официальных обследований (0,1 % от общей численности сельских домохозяйств), не предоставляющая возможности отразить разнообразие индивидуальных хозяйств, привела к необходимости качественного обследования и интервьюирования большого числа респондентов (466 человек).

Во-вторых, под «неизвестностью» авторы понимают теневую экономическую сторону сельского хозяйства: «эта книга — по сути, попытка рассказать о теневой стороне нашего сельского хозяйства» [С. 8]. Индивидуальное хозяйство зачастую является товарным, рыночным, при этом как предпринимательское оно не регистрируется. Соответственно, его часто относят к теневому. При равных доходах фермеры обязаны платить налоги и отчитываться, в то время как индивидуальные хозяйства освобождены от этой обязанности. Отсюда стремление к «законной

неформальности» и наличие незначительного числа фермеров. Как отмечает Р.И. Капелюшников, для современной России в принципе характерно доминирование неформальных отношений и институтов над формальными [Капелюшников, 2001]. Что уж говорить о сельском хозяйстве, где воровство и неформальные отношения с начальством зачастую были и являются нормой сегодня.

В-третьих, это, конечно, неизвестная география: районы частного, неформального, при этом специализированного хозяйства. Их не найти ни на картах сельского хозяйства, ни в планах его развития. Нефедова и Пэллот «открывают» читателям отдельные «глубинки» нашей необъятной страны, дороги в которые порой весьма удалены от транспортной магистрали. Данное обстоятельство влияет на характер специализации хозяйств и их товарности. Так, при описании «затерянных миров» авторы отмечают обращение сельчан к лесным ресурсам, к собирательству: «кроме грибов и ягод ничего не продают, так как вывезти отсюда что-либо очень трудно, никто из перекупщиков в Кривцы не добирается» [С. 62]. Вообще, вопросу собирательства уделяется отдельное внимание, поскольку его широкая распространенность в некоторых районах вызывает сомнения по поводу возможности выживания сельского хозяйства. Авторы не дают однозначного ответа на вопрос, является ли прогрессом или регрессом возвращение русского Севера от производящей аграрной экономики к экономике, присваивающей дары природы, однако выявляют три причины такого возвращения. 1. Организационно-экономическая (население без помощи совхоза не может организовать производство зерна и заготовку сена). 2. Затруднения в сбыте продукции, которое связано с «труднодоступностью» села (особенно в зимний период). 3. Пьянство — одна из главных причин депрессии таких районов.

Указание на последнюю причину свидетельствует о стремлении исследователей выйти за пределы экономико-географического детерминизма и попытаться описать социокультурные реалии хозяйств населения. В этом отношении претензия авторов на социальную географию оправдана, так как они сами отмечают, что данная работа, по существу, — «первые шаги в социальной географии сельского хозяйства» [С. 7]. Исследователей сложно упрекнуть в географическом редуционизме, поскольку явно прослеживается линия исторического анализа конкретных местностей, обращение к законодательной сфере в области сельского хозяйства, осмысленное, не без конструктивной критики, обращение к данным статистики, а также стремление к описанию сугубо социальных факторов, влияющих на уклад сельскохозяйственной жизни в конкретном уголке нашей страны.

Так, можно выделить наиболее значимые социальные беды, проблемы, на которые неоднократно указывают исследователи.

Во-первых, это проблема алкоголизма. Своеобразным рефреном звучит тема «алкоголизма» сельского населения: «по оценкам самих местных жителей, более половины села – безнадежные алкоголики» [С. 59], «...технический спирт привозят регулярно. От него умирают семьями, о чем местные жители рассказывают совершенно спокойно». Безусловно, генерализация здесь неуместна: далеко не на каждого представителя индивидуального хозяйства можно наклеить ярлык «алкоголика». Вместе с тем неблагополучие отдельных поселений (например, с. Кривцы) характеризуется всеобщей депрессией, выход из которой жители видят лишь в алкоголе. Ситуация парадоксальна: вывезти продукцию из «затерянных миров» невозможно, однако спирт привозится регулярно.

Во-вторых, воровство и, прежде всего, обворовывание колхозов. Причину того исследователи ищут не только в материально-экономической сфере, но и в социокультурной. Воровство – принятый порядок вещей, «который не является феноменом нового времени, а передается из поколения в поколение» [С. 61]. Так, некоторые предприятия негласно признают своеобразную «норму» уносимого и начинают борьбу с воровством только в том случае, когда эта «норма» превышает [Никулин, 1999].

В-третьих, в процессе исследования географы сталкиваются с проблемой неравенства сельского населения. Различия в этническом составе, а также наличие «коренных» и «иногородних» жителей явно сказывается на недовольстве в распределении ресурсов, в первую очередь, земельных. Так, в станице Расшеватная (почти в Прикубанье) 2/3 населения – терские казаки – не согласны с распределением земельных участков, которые достались многим «иногородним», в то время как 60 % колхозников земельных долей не имеют. «Те, кто имеют земельный пай, получают больше возможностей для ведения своего личного хозяйства, и не только – ведь излишки зерна можно продать» [С. 55].

Помимо упомянутых социальных проблем, авторы отмечают широкую распространенность коррупции, наличие «обломовщины» в отдельных «убогих» районах, «нежелание» государственного сектора принять активное участие в формировании фермерского хозяйства и другие социальные аспекты сельского хозяйства.

Кроме «неизвестности», обозначенной в названии книги, необходимо обратить внимание на другую часть заголовка, на первый взгляд ироничного, но весьма характеризующего идею исследования – «Зачем нужна королева».

Не всегда географические особенности местности позволяют собирать достаточный для «нормальной» жизнедеятельности урожай. Потому сложные природные условия, мизерные зарплаты и низкие урожаи делают колхозы довольно востребованными: «чтобы выжить, необходи-

ма как минимум корова, чтобы жить как минимум хорошо — две коровы... а чтобы прокормить скот — нужен колхоз» [С. 44].

Позволим в заключение сказать несколько слов об организации исследования.

В первой главе работы авторы предлагают достаточно полное описание метода исследования, отмечая два используемых подхода, известных в социологии как нисходящая и восходящая стратегии исследования:

1) «путь сверху» — от мелкого масштаба к крупному, с применением процедур классификации;

2) «путь снизу» — из живого многообразия местности, с выделением характерных хозяйств как типологических образцов [С. 15].

Достаточно подробно авторы описывают и принцип отбора исследуемых единиц, согласно которому с помощью статистики отбирались районы «с принципиально разными природными, экономическими и социальными показателями» [С. 15].

Исследование по праву можно назвать комплексным, поскольку авторы обращались к нескольким методам: анализ глубинных интервью, анализ вторичных источников — исследований, проведенных ранее, а также анализ статистических данных и массовых опросов сельского населения.

Вместе с тем, поскольку главным методом сбора информации являлось глубинное интервью, остается не совсем понятным то, каким образом классифицировался и анализировался материал. Как отмечают Е.М. Ковалев и И.Е. Штейнберг, существует несколько шагов для превращения полевых заметок и результатов наблюдений в систематические категории анализа [Ковалев, Штейнберг, 1999]. Трудоемкая работа исследователя по созданию моделей, тем и категорий — процесс творческий и требует осмысленных решений по поводу того, что является действительно значимым и важным в данных. Поскольку исследование носит явно междисциплинарный характер, в том числе и социологический, для так называемых «качественных» социологов является весьма значимым и важным описание принципа анализа качественных данных — неструктурированных, порой нелогичных и невероятно объемных на этапе сбора информации.

Однако это обстоятельство ни в коем случае не умаляет достоинства проделанной работы. Исследование предлагает не только описательный и объяснительный уровень, но и уровень рекомендаций, что считается наиболее ценным и значимым в предоставлении конечного продукта исследования. Несмотря на утопический характер рекомендаций и порой изначальную обреченность на их не реализацию, авторы подробно описывают, что необходимо предпринять властным и общественным структурам для улучшения уровня жизни населения и стимулирования трудовой активности в частном секторе.

Бездействие по отношению к хозяйствам населения приводят к достаточно неоптимистичным выводам, которые эксплицируют авторы: «похоже, что современное сельское хозяйство впитало в себя худшее от социалистической и капиталистической систем» [С. 285], «сегодняшняя деревня экономически слаба и само сельское сообщество не то, что было прежде. Депопуляция и влияние городов разрушают сельский коллективизм» [С. 265].

Список литературы

Капелюшников Р. И. Институциональная природа переходных экономик: российский опыт // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо-, и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: Московская школа социальных и экономических наук; Интерцентр, 2001.

Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

Нефедова Т. Г. Сельская Россия на Перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

Никулин А. М. Конгломераты и симбиозы в России: Село и город, семья и предприятия // Неформальная экономика / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.

Анна Васильевна Турчик
MA in Sociology, аспирантка Института Социологии РАН
электронная почта: turchik_a@mail.ru
